

Ни про какой путч я поначалу вообще не знала. 20 августа 1991 года вечером я сидела возле палатки на берегу между Рыбачьим и Приветным и крутила ручки маленького радиоприемника, пытаюсь поймать программу Севы Новгородцева о группе «Doors». Никакого Моррисона я не услышала, зато услышала голос Венедиктова, говорившего про какое-то ГКЧП и танки на улицах Москвы. Мне удалось поймать «Эхо» совсем незадолго до того, как вещание было прервано, но этих нескольких минут было достаточно, чтобы услышать про переворот, танки и введение чрезвычайного положения. На мой крик «В Москве переворот» прибежали мои возившиеся в тот момент с костром друзья, и последние минуты вещания «Эха» мы дослушивали уже вместе. Я не помню точно, что именно сказал Венедиктов перед тем, как прервали вещание, но смысл был в том, что на улицах боевая техника, ситуация накаляется, «Эхо» отключают от эфира, и когда удастся выйти в эфир снова - неизвестно.

Утром мы помчались в Рыбачье. Почта была закрыта, позвонить было неоткуда. Киоск «Союзпечать» не работал, о том, что именно происходит в Москве, никто толком ничего не знал. Выехать из Рыбачьего сухопутным транспортом было невозможно, поэтому мы решили свернуть палатки и ждать у причала. На рассвете следующего дня появился катер, на котором мы добрались до Алушты и оттуда до Симферополя. По дороге в Симферополь выяснилось, что мы вовсе не единомышленники. Политические предпочтения поделились по гендерному принципу: я и моя подруга были за Ельцина, юноши наши – наоборот. Разругавшись с другом детства и его приятелем, я переключилась на мысли о своих политически активных родителях и дрожала при мысли о том, что, возможно, сейчас с ними происходит.

Опасения мои были не напрасны. Папу Августа незадолго до путча госпитализировали в кардиологию. Дома на хозяйстве оставались мама Зоя и отцовский любимый ученик Картлос, весной 1991-го года баллотировавшийся на пост президента Грузии. Во время избирательной кампании на него было совершено покушение, после чего Картлос уехал в Россию и некоторое время жил у нас. Прекрасно зная свою жену и своего любимого ученика, Мишин несколько раз в день звонил домой из больницы и требовал, чтобы они никуда не ходили. Но после 9 вечера звонки из больницы были запрещены, и в начале десятого мама Зоя с Картлосом, нагруженные сумками с едой для защитников Белого Дома, отправлялись туда. Они утащили на баррикады даже мои любовно припрятанные для празднования дня рождения заначки, сообщив мне потом, что я должна радоваться, что мои драгоценные коробочки, банки и бутылки послужили делу демократии. К утру они возвращались и дисциплинированно отвечали на телефонные звонки. Мама Зоя говорила, что часто звонили журналисты, просили комментарий. Одна девушка, услышав, что Мишин в больнице, с горечью сказала: «Кому из юристов ни позвонишь – все либо на даче, либо в больнице». Когда через два дня после окончания путча мама Зоя с Картлосом приехали забирать Мишина из больницы, он, прищурившись, посмотрел на них и сказал:

- Ну, хватит врать-то. Я знаю, что вы оба туда каждую ночь ходили. Если бы я не был в больнице, я бы вас туда не отпустил.

- Да ты сам бы первый туда пошел, - сказала мама Зоя. И она была совершенно права.